

Глава 6: Развлекательная компания Восточная Звезда

Развлекательная компания Восточная Звезда управляет собственной независимой телевизионной станцией.

Поскольку эта продукция выходит под брендом компании, режиссерская команда, естественно, узнала имя Фэн Цзина.

Увидев Фэн Цзина, прибывшего на съемочную площадку в сопровождении двух новичков, режиссер на мгновение замер от удивления, а затем поспешно приказал принести стулья.

Фэн Цзин без колебаний сел, скрестив длинные прямые ноги и положив их на стол, даже не снимая модных авиаторских очков. Он выглядел более важной персоной, чем сами важные персоны. Винсент же послушно стоял справа от Фэн Цзина.

Ду Юньсю не стоял так близко, держась на расстоянии нескольких шагов.

Взгляд режиссера переходил с Ду Юньсю на Винсента. Хотя он знал, о ком из них агент первоначально предоставил информацию, наблюдая за текущей динамикой, он осторожно спросил: «Сегодняшнее прослушивание для...?»

Ду Юньсю слегка задержался, прежде чем понял.

Хотя он не мог перехитрить других в сложной политике индустрии развлечений — да и не хотел этого — он точно знал, когда говорить, а когда молчать.

Такие социальные навыки были ему по силам.

Ду Юньсю не ответил, уступив слово Фэн Цзину.

Фэн Цзин был директором.

Эта постановка не была крупным проектом, и Фэн Цзин, безусловно, имел право решать, кто

будет вторым мужским главным героем, а кто нет.

Фэн Цзин приподнял бровь, и его чувственные губы слегка изогнулись в улыбке.

Под его правым глазом родовая пятна сияла неотразимо притягательным светом, ее соблазнительная аура была окрашена оттенком хитрости и остроумия.

«Что это? Ваш агент не предоставил вам материалы?» Фэн Цзин говорил медленно, его пальцы элегантно переплелись на коленях, подразумевая, что договоренность осталась неизменной — Ду Юньсю все равно будет принят на роль.

Режиссер понял ситуацию и сразу же нашел ловкий выход, указав на стоящего рядом ассистента продюсера: «Разве я не сказал оставить это на моем стуле?»

Ассистент продюсера жалобно пробормотал: «Но я же оставил это там».

Остальные тактично сделали вид, что не слышат, и каждый вернулся к своим делам.

Ду Юньсю переоделся в гримерной, надел старинный головной убор и с тщательной точностью причесал волосы и бакенбарды.

Когда он вышел, собравшиеся члены съемочной группы не могли не быть поражены его внешним видом.

Учёная мантия, элегантная и струящаяся, облегла его, как свежая зелень весенних ив.

Его черные как смоль волосы были туго завязаны квадратным шарфом цвета нефрита, что сразу же придавало ему вид ученого литератора. В воздухе витал слабый, неуловимый аромат чернил.

Его глаза, как в картине, написанной тушью, обладали неземной чистотой и излучали тонкий нефритовый блеск, который выражал тихую нежность и привязанность.

Вся съемочная группа была в восторге: он идеально воплощал образ второго мужского персонажа из сценария.

Его утонченное, ученое поведение даже затмевало главного героя! Стилист покачал головой, глядя на последние фотографии главного героя. Он вложил гораздо больше усилий в образ главного героя, но по сравнению со вторым мужским персонажем главный герой выглядел как уличный бандит!

Разница была разительной.

Режиссер был не менее доволен внешним видом Ду Юньсю: «Просто попробуй сыграть сцену — утешь главную героиню после ее разбитого сердца».

Ду Юньсю кивнул, готовясь погрузиться в эмоции.

«Подожди...» — вставил Фэн Цзин, шепнув Винсенту. «Эмоциональные сцены в этой пьесе не сложные. Давай попробуем что-нибудь другое».

Слова Фэн Цзина явно не были полностью объективными.

Главный герой имел значительный вес; второй герой мог проявить себя только путем изображения глубокой, мучительной страсти — именно это оставило бы неизгладимое впечатление на зрителей.

Такие эмоциональные сцены... не сложные?

Но поскольку Фэн Цзин высказался, режиссер не имел выбора, кроме как подчиниться.

Как телережиссер, работающий по контракту, его автономия была ограничена; он не мог игнорировать мнение вышестоящих.

«Ну...» Режиссер взглядом обратился за советом к Фэн Цзину. Раз уж тот возразил, то почему бы не позволить им поставить задачу.

Фэн Цзин слегка наклонил подбородок. В его очках Ray-Ban Aviator отразилась фигура перед ним: волосы до пояса, черные как смоль, с концами, сверкающими тонким, плавным светом.

Его тонкие бледные пальцы небрежно листали сценарий, а затем небрежно постучали по странице: «Вот эта».

Режиссер взял ее и нахмурился.

В этой сцене главная героиня оказалась в опасности, задержанная властями. Второй главный герой придумал план: подделать почерк магистрата, чтобы обеспечить ее освобождение.

Ничего особенного в этом не было; любой мог бы сыграть эту роль вполне адекватно и незаметно.

*****

Винсент наклонился, чтобы взглянуть на сценарий, и усмехнулся. «Му Цзе — первоклассный актер, господин Фэн. Эта мелочь его не смутит!»

«Зачем мне усложнять ему задачу?»

«В конце концов, он высококлассный студент, который играл «Эквус». Фэн Цзин улыбнулся. Его узкие глаза сморщились, но в его взгляде не было веселья. Родинка в виде слезы на его щеке выглядела дьявольски привлекательно.

Два мужчины перебрасывались шутками, создавая впечатление, что они очень высоко ценят Ду Юньсю.

Режиссер на мгновение не мог понять, что они замышляют.

Поэтому он не стал обращать на них внимания, устроился в режиссерском кресле и дал указание оператору сфокусироваться: «Реквизиторы, приготовьтесь. А вы... ну, вы, начните в ближайшее время».

Реквизиторы быстро и эффективно расставили стол и четыре сокровища кабинета.

Стол был поставлен у ажурного резного окна в античном стиле из дерева хуанхуали, что добавляло классического шарма.

Поскольку это было всего лишь прослушивание, не было ни прожектора, ни микрофона.

В тот момент, когда Ду Юньсю вошел в кадр, оператор был тайно ошеломлен.

Украшенный нефритовой короной и квадратным платком, одетый в бамбуково-зеленое одеяние, весь его облик вызывал ассоциации с утонченной элегантностью весенней горы в сумерках. Что еще более примечательно, этот новичок обладал природным талантом к позиционированию. Глядя через монитор камеры, Ду Юньсю стоял слегка смещенным влево от центра, образуя изысканную поэтическую композицию с лунным решетчатым окном над столом.

Наверное, это простое совпадение... Оператор бросил взгляд на режиссера.

Режиссер, однако, не обратил на это внимания.

Хотя он снимал только сериалы с участием айдолов и никогда не снимал крупномасштабных фильмов, он все же располагал обширным резервом актеров — не говоря уже о второстепенных новичках.

По его мнению, новички должны знать свое дело без подсказок.

Если им нужны были инструкции о том, как позировать или двигаться, то это было просто глупо. Он не имел терпения к таким вещам и особенно не любил новичков, которым требовалась помощь.

Ду Юньсю на мгновение закрыл глаза.

Когда он снова их открыл, свет в них изменился.

Если раньше он выглядел спокойным и уравновешенным, то теперь Ду Юньсю излучал явное беспокойство.

Это беспокойство, казалось, просачивалось из него, как слабая нить, видимая всем, как она сочилась из его слегка нахмуренных бровей...

Ду Юньсю ничего не сказал.

Он просто опустил голову, устремив взгляд вниз, и начал ходить по небольшой съемочной площадке.

Его шаги были неровными — некоторые быстрые, другие намеренно медленные. Когда он двигался быстро, казалось, что он погружен в раздумья; когда он замедлялся, казалось, что он взвешивает осуществимость идей, рождающихся в его голове.

Хмурый, ходящий взад-вперед.

Поистине лучший способ выразить беспокойство.

Но был еще один элемент, который мог достичь только по-настоящему опытный актер!

А именно:

Хотя Ду Юньсю шагал взад-вперед, не давая всему кадру выглядеть статичным и даже придавая сцене ощущение пространственной глубины,

с самого начала и до конца Ду Юньсю ни разу не ошибся — ни разу не вышел за пределы кадра.

Казалось... не то что камера подстраивалась под него.

Скорее, он контролировал весь кадр, весь ритм! Такую точность мог достичь только закаленный в боях ветеран!

Внезапно Ду Юньсю замер.

Воздух казался натянутой струной, сердца всех присутствующих замерли, как будто они поняли — кульминация вот-вот начнется.

Ду Юньсю слегка прищурился.

Эти глаза обладали четкими, плавными контурами, их интенсивность завораживала. Но сейчас, слегка прищуренные, они излучали острую, выверенную мудрость.

Его взгляд был твердым и спокойным.

Ду Юньсю не говорил, но присутствующие поняли: он придумал план — как спасти героиню!

Это выражение длилось всего мгновение, но Ду Юньсю передал его с исключительной точностью.

Никто не мог игнорировать этот взгляд, который мог изменить всё.

*****

В отличие от театральных представлений, телевизионные сериалы и фильмы обладают преимуществами кинематографии и постпродакшна.

Использование длинных дублей и замедленного движения обладает способностью покорять время и пространство.

Иногда, отходя назад, чтобы охватить все, собирая множество людей, оно может создать эффект эпического свитка; в других случаях, приближаясь, чтобы тщательно запечатлеть выражения лиц, оно делает даже дрожь отдельных ресниц ясно видимой.

Один мастер однажды поделился следующим наблюдением:

Под взглядом камеры актеры не должны переигрывать свои эмоции, они не должны давать слишком много.

Если экран требует эффекта в десять баллов, актеру нужно дать только семь или восемь баллов. Остальные два или три балла остаются для кинематографических приемов, которые дополняют и усиливают...

Однако Ду Юньсю не использовал этот пассивный подход к творческой интерпретации.

Он использовал свой собственный особый метод, художественно оттачивая подлинные эмоциональные проявления жизни. Он усиливал интенсивность этих чувств, делая их более точными, яркими и насыщенными.

Таким образом, простая хмурость бровей или легкое подергивание уголка рта.

Или, возможно, взгляд, полный мудрости и спокойствия.

Без какого-либо увеличения камеры, все пары глаз в комнате были прикованы к каждому нюансу его игры.

Возможно, те, кто заранее прочитал сценарий, могли бы создать в своем воображении абстрактный образ второго мужского главного героя.

Но теперь, благодаря череде изысканных нюансов на лице Ду Юньсю и сложным эмоциональным колебаниям, внутренний мир этого персонажа был глубоко и ярко раскрыт перед всеми присутствующими. Не произнеся ни слова, он заменил их предвзятые представления, создав гораздо более аутентичный и осязаемый образ!

Казалось, что он и есть этот персонаж, и что этот персонаж был создан специально для него.

«Выпрыгивает со страниц» — если бы сценарист был свидетелем этого прослушивания, эти три слова точно бы его описали!

Однако... выступление еще не закончилось.

Согласно сценарию, Ду Юньсю должен был теперь подделать почерк магистрата, чтобы обеспечить освобождение героини.

Как бы большинство актеров изобразили это?

Взять кисть, немного поразмыслить, а затем писать плавными штрихами, а их брови излучали бы спокойную уверенность человека, разрабатывающего грандиозные стратегии?

Ду Юньсю тоже исполнил эти элементы.

Но это было не все.

Он взял лист гладкой, белоснежной бумаги Сюань и закрепил его пресс-папье.

Затем он окунул кисть с пурпурными волосами в чернильницу с узором дракона, а затем сгладил ее кончик по краю камня.

Только после этого он остановился, задумчиво подняв руку.

Однако перед первым мазком Ду Юньсю совершил действие, которое удивило всех, но было совершенно логичным.

Он поднял кисть с пурпурными щетинками перед глазами, слегка прищурился.

Затем, вытянув руку, он сформировал из большого и указательного пальцев изящный полукруг и выщипнул из кончика кисти одну щетину из волчьего меха с неровной текстурой!

Прежде чем приступить к письму.

Наблюдать за кистью с такой тщательной внимательностью, такой мельчайшей точностью — даже один волосок, тонкий как паутина, если он был неровным, терпеливо выдерживался и выпрямлялся.

Такие вещи действительно могли заметить только ученые, хорошо знакомые с «Книгой песен», привыкшие владеть кистью с литературной грацией!

Толпа ахнула от удивления, а затем внезапно все поняла.

«Так вот в чем дело!»

«Действительно, именно так и должно быть изображено!»

«Как он до этого додумался!»

Такие выводы раздавались по всей комнате.

Такая деталь может показаться незначительной.

Однако, поразмыслив, она вызвала глубокое восхищение Ду Юньсю.

Ведь в сценарии Ду Юньсю был изображен как благородный, честный и мудрый конфуцианский ученый-чиновник.

Можно было представить, что человек такой глубокой натуры должен обладать энциклопедическими знаниями и исключительным талантом.

Даже если его письменные принадлежности не были так изысканно выполнены, как у императорских вельмож, некоторые научные особенности оставались незаменимыми.

Итак, отбросив в сторону характер персонажа, созданный костюмером,

Как еще можно передать поведение персонажа в такой обстановке?

Ду Юньсю мастерски воплощает сущность ученого через ритуал обращения с пресс-папье,

окунания кисти, разглаживания чернил и выдергивание волоска.

Исполнение требует пяти сил и шести чувств:

наблюдательности, воображения, эмпатии, понимания, адаптивности;

наряду с чувством меры, юмором, убежденностью, ритмом, образностью и аутентичностью.

При ближайшем рассмотрении выступления Ду Юньсю на прослушивании,

помимо неотъемлемых ограничений сюжета сценария, он, без сомнения, продемонстрировал все эти элементы за считанные минуты! И с поразительной яркостью!

Для Ду Юньсю это прослушивание было лишь одним из многих рутинных.

Однако в глазах режиссера, давно привыкшего снимать сериалы с участием айдолов, и других присутствующих оно было совершенно блестящим и оставило неизгладимое глубокое впечатление!

Тем не менее, Ду Юньсю не получил эту роль.

В конечном итоге Фэн Цзин отдал ее Винсенту.

Эта глава была подготовлена командой Webnovels. Если вам понравилось, поставьте лайк и оставьте комментарий!

<http://bllate.org/book/15793/1428632>